

МЫ ПРОГУЛИВАЛИСЬ по Шиофоку, и вдруг табличка на стене углового дома заставила замедлить шаг: «Улица Имре Кальмана». Укрепленная рядом мемориальная доска прояснила все до конца:

«Из этого дома отправился к всемирной известности Имре Кальман (1882, X, 24), автор бессмертных мелодий «Королевы чардаша». Население его родного села».

Да, во времена Кальмана Шиофок был маленькой деревенькой, и если бы даже он не превратился ныне в блестящий курорт на берегу Балатона, куда в бархатный сезон съезжаются туристы со всего света, люди, наверное, все равно бы благодарили уголок земли, подаривший им музыкального волшебника.

ДОМ — как раз против вокзала. Мимо окон бегут поезда. За окнами — современ-

заполнились мелодиями, знакомыми нам с самого детства, лучшими которых вся мировая оперетта, наверное, ничего и не знает...

И так, под эту негромкую музыку, переходя от одной витрины к другой, слушали мы рассказ служительницы.

Начался он с семейного портрета, на котором рядом с маленьким Имре запечатлены его отец, мать и сестра. Уже тогда, узнали мы, малыш тянулся к музыке: его сестра Вильма была хорошей пианисткой. Как-то летом в Шиофоке отдыхал дирижер Будапештской оперы профессор Лильд. Маленький Имре, проходя мимо, услышал, как профессор играет на скрипке. С этого дня зачарованный мальчик часами простаивал под окном. Профессор заметил его:

— Любишь музыку?

— Очень.

— А слух у тебя есть? Спой мне что-нибудь...

И мальчик спел ему свой коронный номер — Вторую рапсоду.

жилет, трость... Может быть, именно это перо обозначило впервые дуэты Сильвы и Эдвины, или Тасилло и Марицы, полные такого лирического очарования. Может быть, именно за этим секретером переписывались начисто ноты ослепительной песенки, обращенной к «красоткам кабаре»... И письмо к сестре, наверное, сочинялось тут же:

«Ты пишешь мне, что тебя часто спрашивают: «Как ваш брат создает свои оперетты?» Можешь

сти, как сразу же — и в Германии, и в Австрии, и в других странах, подпадавших под гитлеровское иго, — оперетты Кальмана оказывались запрещенными.

И еще одно письмо показала нам служительница музея. Это письмо композитор прислал в сорок пятом году из Америки, узнав, что в освобожденном Будапеште демонстрируется советский фильм «Сильва»:

«Я горжусь и радуюсь тому,

● Портрет Имре Кальмана, который стоит на его роляе.

● Строчка из клавира «Сильва», написанная рукой композитора.

● Мемориальная доска на доме в Шиофоне.

ВЕНГЕРСКОЕ СЕМЬЕ

СТАРЫЙ ДОМ, ГДЕ РОДИЛАСЬ «СИЛЬВА»...

ные ритмы, современные скорости. А здесь, внутри, в двух комнатах, ставших музеем, время словно бы остановилось. Совсем необычный это музей...

Можно, например, подсесть к старому-престарому роялю марки «Support», который наверняка еще помнит, как зарождались несравненные мелодии и «Королевы чардаша», нареченной впоследствии «Сильвой», и «Марицы», и «Фиалки Монмартра», и «Баядеру»... И который не страивался с того самого момента, как пальцы Кальмана коснулись пожелтевших клавиш в последний раз. И это вовсе не мое досужее предположение, об этом предупредила очень старенькая служительница музея, которая радушно встретила нас двоих у порога и проводила в комнаты.

Пока мы тихо перебирали клавиши, перелистывали на попире рукописный клавир «Чардаша» (да-да, не копия, а самый что ни на есть оригинал, много лет назад написанный рукой композитора), старушка повернула к нам лицом фотографию хозяина дома, приложившуюся на рояле, и включила магнитофон. И комнаты

дию Листа. Профессор был покорен.

Когда Имре минуло десять лет, он покинул этот старый добрый дом. Поезд увозил мальчика в Будапешт, где его ждали гимназия и музыка. Но никакой успех, никакие овалы, никакая феерия столичной жизни все равно никогда потом не заслонят от него этого милого жилища на берегу Балатона. И именно здесь сложит он лучшие свои мелодии. Именно сюда будет стремиться в минуты радости и печали, всякий раз еще издали, из окна вагона отыскивая впереди добрые окна дома, где прошло его детство.

В этом доме он написал на листе, что хочет «отойти от установившегося танцевального канона венской оперетты и помузицировать от чистого сердца». Так, музицируя «от чистого сердца», он творил свое волшебство — и рождалось чудо, близкое по духу венгерским народным песням и танцам, всегда отмеченное искрометным талантом Кальмана.

ВОТ его халат, театральный биннокль, хлыст для верховой езды... Вот портфель для нот,

отвечать так: «Мой брат и его либреттисты встречаются ежедневно. Они выпивают несколько литров черного кофе, выкуривают бесконечное количество сигар и папирос, рассказывают анекдоты, говорят о погоде, о хозяйственном положении, о политике, спорят, смеются, ссорятся, кричат... Это продолжается много месяцев. И вдруг в один прекрасный день оперетта готова».

Но на самом деле это далеко не так. Создание оперетты стоит нескольких тысяч часов тяжелой работы. Мы все трое (я и мои два либреттиста) с огромным трудом решаемся приступить к очередной работе, сестя к письменному столу, обмакнуть перо в чернила.

После громадной работы безумно трудно сказать себе, что она готова. Мы снова начинаем страдать и сомневаться: подходит ли сюжет, получилась ли музыка?..

Что ж, из-за сюжетов, может быть, авторы страдали и сомневались не зря, но — музыка! Музыка-то получалась всегда! Музыка, полная такого солнца, что стоило фашистам прийти к вла-

что советское киноискусство принесло вам в Будапешт — город, тяжело пострадавший от фашистской оккупации и войны, мою скромную оперетту. Поверьте, я вновь и вновь со слезами на глазах смотрел на этот плакат, и мне вспомнилось, что в том же самом кинотеатре, где сейчас демонстрируется этот фильм, репродукторы скрежетали полные ненависти и злобы слова нацистской пропаганды...».

Плакат, о котором писал Кальман, вернее афиша этого фильма, — тут же, в коридоре музея, рядом с другими афишами на самых разных языках. Но за всеми ими, присланными из десятков стран, — одна музыка, понятная без перевода. Его музыка.

ВХОДНЫЕ двери закрылись за нами, разом оборвав мелодию, которую до самой последней минуты чуть слышно дарил магнитофон. К вокзальному перрону подошел поезд из Будапешта, и на улочку Имре Кальмана выплеснулась шумная толпа. Но, увы, не было среди этих людей чуть усталого человека со щегольскими усиками, который бы еще издали, еще из окна вагона отыскивая впереди нетерпеливым взглядом добрые окна своего старого дома...

Л. СИДОРОВСКИЙ,
спец. корр. «Смены»

Фото автора

Шиофок — Ленинград